

Хамдамова Сайра Хусеновна

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье проблема художественности в классической литературе рассматривается в аспекте взаимосвязи фольклора и письменной литературы. Автор на примере творчества таких поэтов как Муками и Фуркат показывает, что представители письменной литературы использовали мифологические представления и воззрения, и они, наряду с традициями устного художественного творчества, имели художественно-эстетическое значение в формировании и развитии узбекской классической литературы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/3/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (7). С. 159-164. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

HARMONY IN POETIC PORTRAYAL**Akram Nasriddinovich Hamdamov**

*Department of Uzbek Literature
Karshi State University, Uzbekistan
akram-hamdakov@mail.ru*

This scientific article is devoted to the study of one of the aspects of the creative work of the popular Uzbek poet Abdulla Aripov and to the analysis of the influence of different folklore genres on his creative work. The author of the article analyzes and marks that basing on folklore images, folk parables and legends, the wisest philosophical-didactical thoughts the poet reflects on the most important philosophical artistic problems of different spheres of life and society. On the whole the harmonious unity of artistic figurative poetic plot with different folklore genres is analyzed.

Key words and phrases: folklore; legend; plot; image; poetic portrayal of folklore images; means of poetic portrayal; old well; tabib; philosophical folk wisdom.

УДК 82:396

В статье проблема художественности в классической литературе рассматривается в аспекте взаимосвязи фольклора и письменной литературы. Автор на примере творчества таких поэтов как Муками и Фуркат показывает, что представители письменной литературы использовали мифологические представления и воззрения, и они, наряду с традициями устного художественного творчества, имели художественно-эстетическое значение в формировании и развитии узбекской классической литературы.

Ключевые слова и фразы: мифологические образы; фольклорные традиции; народные легенды; устные варианты; бахши-шаманы; топонимические легенды; покровитель; традиционный персонаж; мифологические представления.

Сайяра Хусеновна Хамдамова

*Ташкентская государственная консерватория, Узбекистан
sharik89@mail.ru*

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ
В КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ[©]**

Устное народное творчество занимает особое место в формировании и развитии узбекской классической литературы. Письменная литература через фольклор непосредственно связывается с мифологией. В настоящей статье широко и всесторонне освещены вопросы влияния фольклора на творчество таких поэтов как Муками, Фуркат, Махмур, Дильшод.

Мифологические образы, являющиеся своеобразным открытием народной фантазии, присутствуют и в устном народном творчестве, и в письменной литературе, где получили своеобразную поэтическую интерпретацию. Воззрения первобытных людей, стремящихся познать тайну бытия, объясняли окружающий мир на основе мифических представлений. Говоря другими словами, этот способ познания мира был продуктом раннего этапа развития общественной мысли, видом бессознательного творчества. Миф - это последовательно систематизированный вид древних представлений, возникших в результате бессознательного понимания мира. Узбекская мифология и её место в формировании узбекской фольклорной традиции всесторонне исследованы в работах Г. Акрамова, Б. Саримсакова, М. Джураева, Т. Хайдарова, Т. Рахманова, Н. Собировой, а своеобразные особенности и эпические функции в фольклорных произведениях таких мифологических персонажей как див, баба-яга, пери, змея-дракон освещены в исследованиях Дж. Эшанкулова, Б. Джуманиязова, О. Каюмова, Д. Файзиевой.

В исследовании соотношений фольклора и письменной литературы следует учитывать эстетические свойства этих двух видов словесного искусства, их художественный мир и их своеобразные способы поэтического изображения действительности. С одной стороны, по своей сущности, устное народное творчество и письменная литература различаются между собой как две эстетические системы, как два самостоятельных способа поэтического осмысления, поэтической интерпретации действительности. Изучение общностей и различий между этими двумя явлениями словесного искусства, их творческой взаимосвязи, поэтических функций фольклоризмов в художественной системе письменной литературы, использования художником фольклорных традиций, эстетических закономерностей, связанных с использованием художником фольклорных традиций, всегда находилось в центре внимания литературоведения.

Как пишет литературовед С. Жукас, в изучении соотношений фольклора и письменной литературы следует обратить внимание на два вопроса: а) на эстетическое место фольклора в формировании художественной литературы как художественной первоосновы; б) на взаимоотношения фольклора и письменной литературы как два художественно-эстетических явления [6].

Поэтому фольклоризмы в поэтической системе узбекской литературы также следует исследовать в их непосредственной связи с историческими и литературными процессами, так как, хотя творческие взаимосвязи между фольклором и письменной литературой возникли еще в глубокой древности, в использовании этой традиции литература каждой эпохи шла своим путем, и сумела ее творчески усовершенствовать, и найти новые способы творческого использования фольклора.

Узбекские народные легенды про Адж ибн Унук, Хаджи Мулк и великана Авдж появились непосредственно под влиянием мифологических рассказов о гибели племени од, живших в эпоху пророка Худ. В произведении Насир ад-дина Бурхан ад-дина Рабгузи есть раздел под названием «Повесть про Авдж ибн Унук», где рассказывается, что Унук была дочерью Адама. Авдж был сыном Унука. У него был длинный рост. Во время потопа он не погиб, потому что вода не достигла даже до его колен. Он сидел над горами, а руки его достигали моря, он ловил рыб, сушил их на солнце и съедал.

Другой вариант этой легенды, распространенный среди тюркских народов Средней Азии, был записан А. Диваевым у Муллы Таука Курамбаева, проживающего в ауле Авлиятинского уезда Сирдарьинской области и опубликован. Как гласит эта легенда, длинный Авдж был сыном Анука, а она являлась дочерью Адама. Во время потопа, когда погибло племя Ноя, вода поднялась до высоких гор и даже выше их на сорок сажень, но не достигла до коленей Ажда. Адж принес дерево Ною, чтобы он мог соорудить корабль, а сам потом ходил по воде, так как из-за огромного роста не смог войти в корабль [4].

Надо полагать, что Махмур, глубоко изучивший шедевры узбекской классической литературы, был хорошо знаком с повестью об Авдж ибн Унук и устными вариантами легенды, рассказывающими о приключениях вышеназванного мифического героя. В стихотворении, посвященном обличению одного судьи по прозвищу Авдж, поэт уподобляет его диву и пишет, что его происхождение связано с мугами. А о его росте в стихотворении есть такие строчки:

Его рост такой длинный, что его можно использовать как столб, для поддержания неба.

В этом двустишии есть намёк на Авджа, на его длинный рост, который достигал «до небес».

Сведения о том, что Авдж ловил рыб из рек, сушил их на солнце и ел их, встречаются в большинстве легенд. Такие же качества приписываются и Адаму Ад, который считается функциональным близнецом образа Авдж. Как рассказывается в легендах, в глубокой древности пророк Ной призвал к себе одного мастера-столяра, рост которого достигал до облаков и приказал построить корабль. Этого человека звали Адаму Од. Он был очень рослый и сильный, ловил в море и реках рыб, клал их на солнце и съедал [5]. В легенде, записанной А. Диваевым, говорится, что облака в небесах завязывались в поясице Авджа [Там же].

Таким образом, Авдж, Авдж ибн Унук, Хаджи Мулк, Аж и Од являются разными названиями одного мифологического героя. Корни представлений об этом легендарном персонаже восходят к доисламским мифологическим верованиям древних людей. В результате распространения традиции исламской мифологии появились различные национальные варианты легенды об Авдж ибн Унук. Махмур, хорошо осознававший, что творческое использование фольклорных традиций является одним из способов достижения художественного совершенства, успешно пользовался легендой об Авдж ибн Унук, что позволило ему создать сатирический образ казиза Мухаммада Раджаба.

Согласно первобытным мифическим воззрениям, человек живет в окружении враждебных и покровительствующих сил из внешнего мира. Силы добра, олицетворяющие свет, тепло, жизнь, доброту представлялись в облике мифических образов, покровительствующих человеку. В узбекской мифологии наряду с Хизром, арвах, пери, чилтанов тоже считаются покровителями. Народные представления о чилтанах нашли свое отражение и в письменной литературе. В одном из своих газелей Закирджан Фуркат пишет:

Чилтон шаробин ичмай бош ўйнамай чу Мансур

Дор узра деб аналҳақ ғавго қилиб бўлурму?

(Не попробовав вина чилтана, не играя головой как Мансур, разве можно кричать на виселице «Ан ал-хак!» («Я - божество»))?

Поэт от имени своего лирического героя утверждает, что, не распивая вина чилтанов, совершающего чудеса, то есть без помощи чилтанов, невозможно сделать то, что сделал Мансур Халладж.

В другом стихотворении поэт противопоставляет образу *чилтон* другое понятие - «чор тан» и создаёт резкий контраст.

Мы, трое певцов, давайте пойдём в цветник,

Вместе с соловьями мы там обоснуемся,

Сожжем ветки, лепестки цветов, разведем костёр,

Зачем нам чилтанов, мы сами будем чортанами,

Возлюбленная - наша возлюбленная, красавица наша,

Ах, если прожить так всю жизнь, не осталось бы ни одной

Неосуществленной мечты [21].

Согласно народным легендам, среди чилтанов тоже существует расслоение. Все чилтаны подчиняются семи высшим духам - хафтанам, а хафтаны - сетанам, то есть трем духам, сетаны - яктану или полюсу (кутб), то есть главе чилтанов. Название «чортан», которое употребляет Фуркат, не встречается среди названий чилтанов и, скорее всего, «чортан» - это образ, созданный поэтом на основе понятия «чор улфат» («четыре друга»).

А что означают понятия «чильтан» и «вино чильтана»?

Согласно мифическим представлениям народов Средней Азии, чилтан - одно сословие неестественных существ - духов. Их всего сорок, и они называются еще «сорок чильтанов», «сорок один чильтан», «невидимый эран», «эраны». Чильтаны - сорок могучих, божественных, невидимых существ, которые управляют всем миром. Считается, что они иногда могут жить и среди людей [Там же].

Чильтаны выполняют функцию покровителя, и бахши-шаманы также представляют их как своих духовных покровителей. По словам 50-летней Каршигул бахши из Галлаарала сорок отверстий доиры относятся к сорока чильтанам. Если протереть эти отверстия кровью жертвенного животного, то представители невидимого мира придут к бахши на помощь. Намек на это содержится и в причитаниях бахши:

Заставил проливать алую кровь,

И зажечь сорок одну свечу,

Все это ради сорока одного чильтана.

В мифологии народов Средней Азии чилтан выступает и как покровитель различных профессий и ремесел: у уйгуров - покровитель бахшей, у таджиков - людей, занимающихся приготовлением халвы. И, естественно, этот образ, широко распространенный в мифологии народов Средней Азии, встречается в лирике Фурката, где выполняет своеобразную поэтическую функцию: согласно народным воззрениям, распивание вина чильтана означает обладание чудодейственной силой. Вино чильтана - напиток правдивости, знания, благородства и чистоты. Мотив распивания вина чилтана проник в письменную литературу из фольклора.

В узбекской литературе конца XVIII-XIX веков образ Хизра трактуется как мифологический персонаж, который выпил живую воду (и превратился в вечно живое существо) и приобрел вечную жизнь. В поэзии данной эпохи широко употребляются такие образные выражения как «чашмаи хайвон» («Родник живой воды»), «чашмаи Хизр» («Родник Хизра»), «оби хайвон» («животворная вода»). Все это свидетельствует о том, что легенда о Хизре нашла широкое поэтическое отражение в письменной литературе.

Уподобляя рот возлюбленной роднику живой воды, а родинку - Хизра, поэт Мукими писал:

Хату холинг эмастур Хизрдин кам,

Даханинг оби хайвондин қолишмас [13].

Хат - это еле заметный пушок над губой возлюбленной, а хол - родинка. Поэт пишет, что они (пушок и родинка) не уступают Хизру, а рот - источнику живой воды. Конечно, здесь он изображает чувства своего лирического героя - влюбленного, для которого страстный поцелуй в губы возлюбленной такой же животворный, как живая вода, и образ Хизра - традиционного персонажа узбекской мифологии - здесь выполняет важную поэтическую функцию.

Действительно, в узбекской литературе конца XVIII-XIX веков образ Хизра - одного из персонажей, связанных с доисламскими мифологическими представлениями и верованиями народов Средней Азии, был широко распространен.

Согласно учению ислама, Хизр признаётся также как один из пророков. Но суть этого мифического образа, непосредственно связанная с природой, водой, огнем, зеленым цветом, даёт основание считать, что народные легенды о нем существовали в Средней Азии еще до распространения здесь ислама.

В процессе распространения среди народов Средней Азии древних легенд о Хизре, этот образ был усовершенствован и приобрел новые эпические функции в качестве покровителя, спасателя и помощника.

В мифологии тюркских народов была развита традиция поклонения культу природы. В сочетании с этими традициями образ Хизра получил своеобразную интерпретацию, что способствовало его поднятию до уровня совершенного мифологического и художественного символа.

Г. Акрамов, исследовавший художественные функции узбекской мифологии в эпосе, предлагает легенду о Хизре отнести к «манистическим» легендам [7].

В узбекском фольклоре народные воззрения о Хизре больше сохранились в топонимических легендах. В них появление названия определенной местности связывается с фантастическими событиями, в которых принимает участие Хизр. В легенде «Бойсун» возникновение топонима «Бойсун» в Сурхандарьинской области связывается с Хизром. Как рассказывается в легенде, эта была красивая местность с приятным воздухом. Хизр, оказавшийся здесь во время своих путешествий, сказал: «Я нигде не видел такую подобную раю местность» и благословил: «Пусть люди, живущие здесь, разбогатеют». Говорят, название Бойсун возникло таким образом.

В топонимических легендах «Зармитан», «Родник Джилбулак», отличающихся своим несложным сюжетом и несложной системой мотивов, возникновение и значение топонимов трактуется на основе вымышленных событий, связанных с приключениями Хизра. В них образ Хизра отождествляется с культом воды. В большинстве легенд существует мотив появления родника там, где Хизр ударит своей палкой. Данный мотив, ставший постоянным элементом традиционного сюжета, имеет мифологическую основу, связанную с культом воды.

К. Имамов, исследовавший особенности образа Хизра в узбекских народных сказках и легендах, пишет: «Хизр - идеальный герой. Наверное, поэтому он в легендах приобретает свойства эпического богатыря, который не горит в огне, не утонет в воде. Эта особенность Хизра не имеет отношения к религиозному чуду, а вытекает из его магической сущности. Хизр неожиданно появляется, помогает тому или иному герою, всегда выступает против чёрных, злых сил и содействует победе добра».

В узбекской литературе конца XVIII-XIX веков образ Хизра получил свою художественную интерпретацию, идентичную с традиционной трактовкой этого образа в узбекском фольклоре, и изображается как мифологический персонаж, выпивший живую воду и приобретший вечную жизнь. Например, Муками в одном из своих газелей пишет:

Тушмагай Хизру Масихога ишим бори дигар
Бир табассум қилса ул шўхи сухандоним мани [13].

(Если моя сладкоречивая красавица улыбнется один раз, то я больше не нуждаюсь ни в Хизре, ни в Масиха).

Здесь поэт рядом с именем Хизра упоминает Масиха, то есть Христа, что придаёт бейту большую художественность, ибо эти два символа выполняют схожие поэтические функции: если Хизр - символ вечной жизни, то Христос, согласно традиционным представлениям, обладает чудодейственной силой и может вернуть душу умершего в его тело, оживить умершего.

Как уже было упомянуто, в поэзии Фурката губы возлюбленной уподобляются легендарному роднику, где Хизр выпил живую воду:

Хизр ичмай оби хайвон тарк этти орзусин,
Кўзи қачон хатинг-ла оби зулола душти [21].

(Когда взор Хизра упал на губы и еле заметный пушок над ними, то он отрекся от своей мечты о живой воде).

Лирика Фурката чрезвычайно богата поэтическими трактовками образа Хизр. Вот одна из них:

Фарқи булдур Хизрдин, эй шўх то аҳзар
Хизрни маст этти лаълингдин тутиб соғар хатинг.

(Хизр хотя выпил живую воду, не потерял разум, не опьянел, только приобрел вечную жизнь. Но когда твой хат (едва заметный пушок над губой) поднес ему чашу из твоих губ, то он опьянел от любви).

Широко распространенное в узбекской классической литературе выражение «хати Хизр» используется и в предыдущем бейте Фурката, приведенном нами выше, в котором нашел свое поэтическое выражение мотив предпочтения лирическим героем губ возлюбленной живой воде.

Муками также при помощи этих традиционных образов создает своеобразную поэтическую картину:

Хатти аҳзарму, лабинг узра тутай деб ё мақом,
Келдими Хизр оби хайвондин кечиб оё кўруб [13].

(Это хатт, или пришёл Хизр, чтобы занять место над губами твоими, отказавшись от своей мечты о живой воде).

Таким образом, Муками, Фуркат и другие поэты переносят качества и свойства Хизра на образ возлюбленной, в результате чего им удаётся, оставаясь в рамках художественной традиции, давать новые трактовки образа.

Одним из широко распространенных в узбекской классической литературе мифологических персонажей является образ пери, который считается одним из древних образов восточной мифологии и представляется в облике красавицы. Кроме несравненной красоты, она еще обладает сверхъестественными свойствами, способностью изменить свою внешность, благодаря чему приобретает мифологическую природу. В литературе изучаемого нами периода часто встречается такой мотив, связанный с образом пери: одним взглядом пери сводит с ума людей, заставляет их отказаться от своих обычных занятий. Например:

Эй пари, киё боқиб, воқеан ниманг кетгай,
Неча йилғи зоҳидни зухдидин пушаймон қил.

(Краем глаз, о, пери, взгляни на отшельника. Пусть он откажется от своего многолетнего благочестия).

В другой газели состояние влюбленного, потерявшего разум, изображается со слов его самого, где он обращается к своей возлюбленной словами «о, пери».

Ақлу хуш учди бошимдин, эй пари девонаман,
Бир илож қил, эл ичра бўлмайин афсонаман.

(Разум слетел с моей головы, о, пери, сделай что-нибудь, пока я не стал притчей в языцах).

Согласно мифологическим представлениям, пери обладают свойством мелькнуть перед глазами и быстро исчезнуть. Неожиданно появляясь перед взором, они поражают людей своей красотой и таинственно исчезают. Поэтому лирический герой Муками уподобляет свою возлюбленную, всего один раз мелькнувшую перед его глазами, пери:

О, пери, обладающая волшебством, отнявшая у меня разум,
Как увидел я тебя, замер как настенное изображение.

Согласно традиции, красота, прелесть, сладкоречивость и другие качества, присущие пери, переносятся на возлюбленную лирического героя.

Народное представление редкую, несравненную девичью красоту также связывает с пери. Как пишет известный ученый Х. Зарифов, «в некоторых кишлаках Бостанликского района юноши и девушки отличаются необыкновенной красотой, и жители объясняют это тем, что они являются потомками пери. Как гласит легенда, один парень женился на пери, обитающей в воде. У них родились дети. Через некоторое время парень нарушает условие и открывает людям эту тайну, после чего пери уже не может оставаться с ним и возвращается в озеро. Но другие пери ее убивают. Дети, оставшиеся у отца, подрастают. Жители вышеупомянутых кишлаков являются их потомками, и поэтому юноши и девушки отличаются особой красотой».

В нижеследующих строках Мукими нашла свое поэтическое отражение мысль, напоминающая содержание упомянутой легенды:

Никто не знает твое происхождение,
Чтобы сказать, пери - твое потомство.
Жаль, я лишился твоей красоты,
Странствую, на сердце мое с тобой.

В литературе данной эпохи распространены также образы «Эрам», «сад Эрама». Согласно мифологическим представлениям, сад Эрама находится на другой стороне горы Каф и является обителью прекрасных пери. Х. Зарифов пишет, что Эрам - название мифологической местности, расположенной в горах Кухи Каф. В древних арабских источниках эту мифологическую местность называют «Ирам-зат ал-имада».

В результате обобщения вышеизложенного, сделаны следующие выводы.

1. В формировании и развитии узбекской классической литературы наряду с традициями устного художественного творчества важное художественно-эстетическое значение имели и мифологические представления, мифы и легенды. Письменная литература через фольклор непосредственно связывается с мифологией. Мифология являлась одним из источников обогащения письменной литературы.

2. Представители письменной литературы использовали мифологические представления и воззрения в соответствии со своими художественными замыслами. Мифологические символы, образы и детали в большинстве случаев проникали в письменную литературу через фольклор.

3. Традиционные мифологические образы встречаются и в литературе изучаемого нами периода, в частности, такие мифические образы как *Авдже ибн Унук*, *Хизр*, *чильтан*, *эран*, *птица души*, *див*, *дракон*, *пери*, *Кухи Каф (гора Каф)*, *Эрам*, *ад*, *рай* получали в ней своеобразную поэтическую трактовку.

4. Путем использования мифологических образов и деталей поэты стремились найти оригинальные способы изображения душевного состояния лирического героя, взаимоотношений влюбленного и возлюбленной. В изображении портрета возлюбленной поэты уподобляют ее волосы дракону, губы - источнику «живой воды».

5. Миф предоставлял поэтам неограниченные возможности для воплощения художественного замысла на основе традиционного поэтического мышления.

Список литературы

1. **Акрамов Ф.** Мифология в узбекском народном творчестве: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1980.
2. **Басилов В. Н.** Новые материалы о шаманском бубне узбеков // Полевые исследования института этнографии за 1975. М.: Наука, 1976. С. 121.
3. **Басилов В. Н.** Чильтаны // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 7. С. 629.
4. **Диваев А.** Киргизская легенда о ветхозаветном великане Адже (Оге). Казань, 1908. С. 5.
5. **Диваев А.** Легенда о великане Адж по прозвищу Алангсор-Алиф // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год. XIII. Ташкент, 1989. С. 20-21.
6. **Жукас С.** О соотношении фольклора и литературы // Фольклор. Поэтика и традиция. М.: Наука, 1982. С. 8.
7. **Акрамов Ф.** Аниматик мифология // Ўзбек тили ва адабиёти. Тошкент, 1977. 3-сон.
8. **Акрамов Ф.** Мифологиянинг айрим эпик жанрлар билан ўзаро муносабати // Ўзбек фольклорининг эпик жанрлари. Тошкент: Фан, 1981. Б. 150.
9. **Жуманиёзов Б.** Ўзбек халқ эпосида ялмоғиз образи: филол. фанлари номзоди ... дис. автореф. Ташкент, 1996.
10. **Жўраев М.** Мифологиянинг ёзма адабиётга муносабати // Ўзбек тили ва адабиёти. Тошкент, 1980. 6-сон.
11. **Жўраев М.** Ўзбек халқ эртақларида «сехрли» рақамлар. Тошкент, 1991.
12. **Қаюмов О.** Ўзбек фольклорида пари образи: филол. фанлари номзоди ... дис. автореф. Тошкент, 1999.
13. **Мукикий.** Танланган асарлар. Биринчи том. Тошкент, 1960. Б. 203.
14. **Нафасов Т.** Номлар таърифи // Гулистон. Ташкент, 1968. № 4. С. 26.
15. **Носируддин Бурҳовуддун Рабғўзи.** Қиссаси Рабғўзий. Тошкент: Ёзувчи, 1990. 1-жилд. Б. 46-47.
16. **Раҳмонов Т.** Миф ўзбек фольклори эпик мотивларининг ўзаги сифатида: филол. фанлари номзоди ... дис. автореф. Тошкент, 1997.
17. **Рўзимбоев С., Собирова Н.** «Авесто» ва Хоразм фольклори. Урганч, 2001.
18. **Саримсоқов Б.** Эпик жанрлар диффузияси // Ўзбек фольклорининг эпик жанрлари. Тошкент, 1981.
19. **Толипов С. П.** Ўзбекистоннинг қадимги маданияти. Тошкент, 1954. Б. 8.
20. **Файзиёва Д.** Ўзбек фольклорида илон кљуьтининг излари // Ўзбек тили ва адабиёти. Тошкент, 1997. 2-сон.
21. **Фуркат.** ТАТ. Т. 2. 96-бет.
22. **Хайдаров Т.** «Гўр-ўғли» ва мифология синкретизми: филол. фанлари номзоди ... дис. автореф. Тошкент, 1994.
23. **Эшонкулов Ж.** Ўзбек фольклорида дев образи: филол. фанлари номзоди ... дис. автореф. Тошкент, 1997.

MYTHOLOGICAL IMAGES AND ARTISTRY PROBLEM IN CLASSIC LITERATURE

Sayara Husenovna Hamdamova

*Tashkent State Conservatory
sherik89@mail.ru*

In the article the artistry problem in classic literature is considered in the aspect of the correlation between folklore and written literature. By the example of the creative work of such poets as Mukimiy and Furkat the author shows that the representatives of written literature used mythological beliefs and views which had artistic-aesthetic meaning together with the traditions of folklore in the formation and development of the Uzbek classical literature.

Key words and phrases: mythological images; folklore traditions; folk legends; oral variants; bahshi-shamans; toponymic legends; patron; traditional character; mythological beliefs.

УДК 81'373.45

В статье анализируются арабские заимствованные основы и их участие в образовании новых лексем в узбекском языке. В связи с этим в ней изложены деривационные функции словообразующих морфем собственно тюркского, персидско-таджикского происхождения. Данная статья важна с точки зрения изучения особенностей вторичной номинации в узбекском языке.

Ключевые слова и фразы: грамматика; лексика; словообразование; новообразования слов; лексические единицы; деривация; аффикс.

Дилфуза Одиловна Хасанова*Кафедра узбекского языкознания**Кокандский государственный педагогический институт**h_group@mail.ru***ЗАИМСТВОВАННЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК БАЗА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ[©]**

Лексика языка постоянно обогащается за счет образования новых слов, изменения их лексических значений и появления новых. Эти тесно взаимосвязанные факторы и определяют развитие языка. Взаимные отношения вышеназванных факторов проявляются в том, что новые слова, возникающие в языке на базе заимствованных лексем, играют важную роль в различии (дифференциации) значений словарных единиц. В тех случаях, когда смысл лексических единиц не противоречит значению создаваемых новообразований слов (или понятий), появляется потребность в изменении значений [1].

Словообразование является самостоятельным разделом языкознания, так же как фонетика-фонология, лексикология, морфемика и грамматика. Отличие словообразования от вышеназванных и других разделов языкознания состоит в том, что эта область и ее единицы находятся во взаимных отношениях и тесной взаимосвязи со всеми уровнями лингвистической науки.

Таким образом, словообразование - своеобразная и сложная область языкознания, объектом изучения которой являются вопросы появления в языке новых словарных единиц, процессы номинации, структурные особенности и классификации [2].

Благодаря словообразованию обеспечивается процесс вторичной номинации, который отражает в себе отношение человека к предметам и явлениям окружающего мира. Новые словарные единицы в языке возникают через отражение явлений и предметов внешнего мира в сознании человека. Новые лексические единицы, принадлежность к определенным словарно-грамматическим группам (частям речи) способствуют возникновению взаимоотношений словообразования с грамматикой.

Но, наряду с этим, словообразование отличается от всех других разделов языкознания. Это отличие определяется местом словообразования в структуре языка как своеобразной, самостоятельной системы.

В рамках системы словообразования существуют такие понятия как база словообразования, значение словообразования, средство словообразования, способ словообразования, тип словообразования, модель словообразования. Все они важны и необходимы для создания новых словарных единиц. Особую важность и значение приобретает понятие *база словообразования*, которая образуется как результат взаимоотношений таких внутренних частей, в число которых входят средство и модель словообразования. Особая важность базы словообразования определяется тем, что она выполняет функцию основы мотивации при образовании новых слов.